

«ТРУДЫ ЗЕМНЫЕ ТЯЖКИ ...»

(По страницам книги стихов
Ольги Фокиной «Матица»).

Когда-то давно, более двух десятилетий назад, в рецензии «Начинается доброплодное лето» («Красный Север», 1965, 9 сентября) мне довелось писать о книге стихов Ольги Фокиной «Реченька», второй в ее творчестве. Что ж, лето поэта и в самом деле оказалось урожайным и по количеству — десятка два книг, и по качеству — своеобразные поэтические лица Фокиной неоспоримо. И сейчас интересно присмотреться к тому, как меняется ее творчество в самое последнее время.

Новые стихи из книги О. Фокиной («Матица» (Сев.-Зап. изд-во, 1987)) последовательно развивают тенденции, ранее сложившиеся в ее поэзии, — и по форме, и по содержанию. Заметна, однако, и жестко обозначающаяся новизна, резко выделяющая произведения поэтессы из общего потока. Если, с преодолением жанрово-тематической заданности, поэзия как бы воспаряет от земли (иногда в горные выси, а чаще — просто в абстракцию), то стихи Фокиной упрочняют заземленность.

Хорошо это или плохо, зависит от конечного результата, но так сложилась логика творческого развития поэтессы в течение двух десятилетий. Одна из немногих, она сохранила живую связь с отчим краем и никогда не искала вдохновения на стороне, писала всегда о том, что рядом, помня о своих корнях.

И в новой книге Ольга Фокина вспоминает о матери и о брате Володе, не забывая навещать отчий дом («Письмо брату», «В родном доме», «Июлю 1985 года», «Дорогие соседи»). Волнуют ее обычные житейские тревоги и радости. Как и прежде, равнодушна она в общении с природой («Снегопад», «Посреди зимы»), но теперь деревенское житье чаще настраивает ее на иные заботы.

Отраден уют, созданный собственными руками в родном доме, но хозяйский взгляд отмечает, что и «околенки худы, что и «углы поиздержались». И как естественна в стихотворении «Не пора ли?» копцовка:

А ведь вас — четыре брата,
Восемь рук и восемь плеч!
Не пора ли, не пора ли
Дружно встать из-за стола
И усесться с топорами
На четыре на угла?

Здесь уже не привычный голос поэтессы-горожанки, так скажет любая крестьянка, когда необходимость потребует. И в деревне так по-хозяйски Ольга Фокина чувствует себя не только в родном доме — везде и во всем.

Ей никогда бы не пришли на ум слова, некогда растерянно выплеснувшиеся у Сергея Есенина, увидевшего деревенскую новь: «Моя поэзия здесь больше не нужна, да я и сам пожалуй, здесь не нужен...» Ольга Фокина в чем-то существенно идет вслед за М. Исаковским, которого, по словам А. Твардовского, не отпугивали «новшества, причудливо и непривычно, а то и вовсе грубо и аляповато вторгавшиеся в жизнь деревни, взламывая ее вековой уклад, традиция и навыки...».

Теперь век иной, та давняя ломка давно завершилась, но последствия ее еще не изжиты, и жизнь по-прежнему все никак не может войти в свои берега.

Грубо реалистичны приметы действительности в новых стихах Ольги Фокиной. С болью видит она, как «поправка железной силой, бесприютна, холодна, обезлюдывает милая старожилу сторона», как «пьют работники сезонные, обреченные на труд» («Без души «преображенное»...»). Таких горестных деталей много наберется в книге «Матица» («Монолог колхозника», «Все выше урожай...» и другие), однако поэтесса не видит оснований опускать руки перед трудностями:

Труды земные тяжки,
Но хочешь гуцы в чашке,
Не избывай работу,
Работу не кляни,
Перед землей дающей,
Твоей работы ждущей,
С любовью и охотой
Колени преклони...

Добро, когда в народе «ясно и крепко соз-

нанье, что все их спасенье в труде» (Н. А. Некрасов), но если деревня обезлюдела и силы оставшихся при всем желании не обойтись? Не замыкаясь в узком кругу сельских впечатлений, Ольга Фокина «деревенские» заботы возводит в государственный ранг, обращаясь к горожанам:

Друг НИИ, подобрав картошку,
Шевельни-ка мозгой немножко,
Посчитай-ка не на авось
Да скажи-ка не попарошку:
Сколько с сошкой да сколько с ложкой
Нас, теперешних, развелось?

Пolemический тон, свойственный этому стихотворению с ироническим подзаголовком «Мелкая философия на глубоком месте», открыто сказывается и во многих других: «Молчать или кричать от боли?...», «Я — с Двины», «Дай», «Об одном концерте»... В них О. Фокина касается самых разных жизненных проблем. Пишет она по поводу переброски стока Сухоны в Волгу; возмущается потребительством, все шире проносящим в нашу жизнь, и безвкусицей современной массовой музыки.

Не всегда бесспорны выводы поэтессы, но в оценках жизненных явлений она всегда верна себе. Вполне созвывая «непоэтичность» якобы проблематики многих своих стихотворений (приято считать, что «поэту земельным спорам надо горные предпочесть»), Фокина отстаивает право поэзии обращаться к любым наиболее важным вопросам:

Только снова стихи у нас
Не про реки — про в реки стоки,
Не про небо — про в небо дым,
Про разбурканные дороги
К невеселым местам родным,
Про растерзанные олушки
(Трактор-танк супротив дерев!),
Про разрушенные церквушки...

Отдавая щедрую дань проблемности и предвидя возможность нарекания, О. Фокина защищает ее иронией. «Не бракованное ли семя, упася бог, жует Пегас?» — вопрос для нее, конечно, только риторический.

Впрочем, традиция, по которой «прозаизмы» устремились в поэзию, определяла то очерковость, а то и фельетонность стихотворений, идет от Н. А. Некрасова, издавна близкого Фокиной поэта. С нею закрепляется в ее стихах социальное начало, определяя во многом полемический пафос и поэтику с обилием восклицаний, вопросов, обращений. Отсюда же и дидактичность, свойственная для многих стихотворений («Хозяину», «Имеющему голос спеть...», «Поворот» и т. д.).

Приемы гражданской музы важны для Фокиной не сами по себе, они всегда основываются на конкретных наблюдениях из реальной жизни. И в этом тоже она сближается с Н. А. Некрасовым, но важнее другое — тот именно момент, что Фокина в иных условиях подхватывает гуманистическое начало его поэзии:

О, кто ж теперь напомним человеку
Высокое призвание его?..

С этой некрасовской мыслью Ольга Фокина выходит к обобщениям, уже не замыкаясь в пределах сельщины. Не там надо искать источник пылешных настроений, застоя, хозяйственных просчетов. Они носят характер социально-психологический, проявляясь в стремлении закрыть глаза на состояние общества, а то и зарядить людей бездумным оптимизмом. И Фокина глубоко возмущена: «

...На чёрта

Эта — в прятки — всю жизнь игра?

Для каких перед кем отзов

Суть «кувы» означать «ура»?

Ширмой вымученных улыбок

Умудряемся заглушить

Вздохи, вскрики, стенанья, всхлипы

Залыхающей души.

(«Быть не быть, но уметь казаться...»)

Самосознание поэта-современника, заложенное в крестьянской среде и подкрепленное зрелым социальным опытом, сказалось в этих стихах требованием правды во всем — одной-только правды.

Пусть порой, торопясь выплеснуть тревогу и гнев, поэтесса неразборчиво пользуется просторечиями и диалектизмами. Да, она не всегда чувствует меру в своих восклицаниях и вопросах, иногда допускает многословие, отчего ослабляются плотность поэтической речи и ее выразительность. И в этих своих уступлениях Фокина остается в своем характере: а у кого в гневе голос не сорвется...

По словам В. Г. Белинского, истинный художник народен и национален без усилия; он чувствует национальность прежде всего в самом себе и потому невольно налагает ее печать на свои произведения.

Поэзия Ольги Фокиной изначально отмечена народностью, но теперь в этом качестве обретает многомерность и глубину, социально-психологическую сосредоточенность на правдоискательстве. А свои жизненные наблюдения и выводы она неизменно поверяет традиционным крестьянским здравым смыслом, и он ее не подводит.

Василий ОБОТУРОВ.